

МИНОБРНАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

И. Ю. Тихонова

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ**

Учебно-методическое пособие

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Постмодернизм как смысловая основа нового жизненного пространства человека	5
Проблемы самоопределения человека	15
Проблема культурной интеграции	28
Проблема коммуникации в новом жизненном пространстве	36
Потребление как проблема современной антропологии	40
Новые аспекты в проблеме телесности	59
Проблемы философской антропологии и медицины	65
Основные понятия	72
Заключение	74

некогда написанному в действительности или в воображении сценарию»². В такой ситуации с позиции философии постмодерна возможно построение и постижение реальности только посредством симуляции и как нон-финальной, то есть принципиально незавершенной, бесконечно интерпретируемой и лишенной претензий на подлинность.

Осмысливая себя как время «пост», современная культура отказывается от свойственных традиционной философии принципов, главным из которых был принцип логоцентризма. В соответствии с ним в мироздании усматривалась некая универсальная закономерность, основанная на прочном и устойчивом Логосе, легитимирующая все начинания и дающая иллюзию предзаданной истины, лежащей в основе бытия, разгадать которую и воплотить в реальность должен человек. Осуществлённый в постмодернизме отказ от идеи конструирования какой-либо всеобъемлющей смысловой матрицы, претендующей на статус универсальной парадигмы, ведет к ориентации на восприятие мира в качестве хаоса. Так, Ж. Делез и Ф. Гваттари замечают: «Мир предстает вне какой бы то ни было возможности задать его целостную метафизику... Мир потерял свой стержень... Мир превратился в хаос»³. Кроме того, Делез вводит понятие хаосмоса — как состояния несконченных возможностей, которое, с одной стороны, дает человеку больше возможностей для самоопределения, с другой, создает стремление поставить себя в зависимость от чего-либо, во избежание опасности самостоятельных решений.

Подобное мироощущение позволяет на основании отказа от усмотрения наличия какого бы то ни было исходного смысла за вещами признать фрагментарность культурного пространства и возможность сочетать эти фрагменты по собственному усмотрению. Отбросив основные идеи западного мировоззрения: рационализм, логоцентризм и метафизическую ориентацию, постмодернизм акцентирует внимание на «тотальном отсутствии исходного смысла бытия» (М. Фуко). Акцент в этой связи переносится на опыт, открытый в неопределенное будущее, ориентированный на поиск различий и не имеющий в своей основе никакой концептуальной матрицы.

Формируется установка на идиографизм и эклектизм. Идиографизм предполагает понимание реальности как неунифицированной и не подлежащей познанию посредством поиска общих закономерностей. «Эклектизм есть отправная точка современной культуры в целом: человек слушает реггей, смотрит вестерн, ест пищу от McDonald's за ланчем и блюда местной кухни за ужином, пользуется парижской парфюмерией в Токио и носит одежду в

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. — URL: <http://philosophy.ru/library/ baud/zlo.html> (дата обращения: 04.05.16).

³ Делёз Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — URL: <http://lib.rus.ec/b/371300/read> (дата обращения: 04.05.16).

стиле «ретро» в Гонконге; знание — это материал для телевизионных игр»⁴. Эkleктизм культуры постмодерна является своего рода противопоставлением упорядоченности, характерной для эпохи модерна, имеющей четко сформированные идеалы и цели развития. Этот эkleктизм и является отправной точкой для понимания сущности современного пространства культуры, которое лишь внешне кажется игривым скольжением по поверхности смысла. Недоверие к идеалам и, как следствие, отказ от жестких структур, которые потеряли свою когнитивную и нормативную значимость в двадцатом веке, и привело, на наш взгляд, к культурной ситуации, которую можно представить в образе пустоты. Именно в эту пустоту погружен современный человек, жизнь которого, с одной стороны, лишена глубины и смысловой наполненности, а потому, равнодушный ко всему, он мечется из стороны в сторону в поисках новых ощущений. Но с другой стороны, он — человек трагичный, поскольку за внешней свободой, легкостью существования и кажущейся поверхностностью мышления скрывается тоска по утраченным смыслам и идеалам, являвшимся духовным пристанищем личности.

Подобное отсутствие раз и навсегда заданного смысла ведет к характерному для постмодернистского сознания увеличению рефлексивности, к необходимости осознанного выбора определенных норм и моделей существования в противоположность прежнему, часто некритическому, их принятию.

Идею рефлексивности как главной специфической черты нового типа мировосприятия в основу анализа трансформации общества заложил известный социолог Э. Гидденс. Несмотря на отказ от идеи перехода к постмодернити, он все же попытался выразить суть социальных изменений с помощью понятия радикализированной модернити. Переход за пределы многообразных институциональных учреждений современной эпохи еще не свидетельствует о преодолении последней, но дает нам основания говорить о ее радикализации. Именно с повышением рефлексивности, обусловленной изменением системы ценностей человека, и с глобализацией Э. Гидденс связывает возникновение процесса радикализации.

Фрагментация культурного пространства и дробление общества на мелкие группы усиливают разрыв во взаимосвязи между индивидами и затрудняют формирование ими общих норм и целостного образа той социальной группы, в рамках которой протекает их повседневный опыт. Рефлексивность порождается необходимостью выбора в ситуации отсутствия прежних фиксированных норм и ценностей, ценностного плюрализма и отсутствия как таковой единой основы бытия.

Рост рефлексивности, наблюдаемый в современном обществе, становится в большей степени возможным в силу того, что индивид благодаря

⁴ Иванов Д. В. Виртуализация общества : Версия 2.0 / Д. В. Иванов. — Санкт-Петербург : «Петербургское Востоковедение», 2000. — С. 34.

неограниченному доступу к информации получает возможность накопить знания о необходимых ему сторонах действительности и сформировать собственную точку зрения на определенную проблему. Такой путь является в корне отличным от предшествующего способа оценки действительности, возможной только в рамках традиции, общественных норм и т. п.

Традиционно нормы обеспечивали человеку чувство безопасности. Однако современная ситуация характеризуется достаточно высоким уровнем благосостояния и социальной защищенности, в результате чего человек становится менее уязвим, а потому необходимость в прежнем жестком регулировании жизни уменьшается. Поэтому на первоначальном этапе прежние функции норм и ценностей становятся менее востребованными. Более того, на мировоззрение человека все более оказывает влияние повседневный опыт, который в ситуации радикальных общественных трансформаций, должен строиться по новым ценностным критериям и с учетом ориентации на будущее. Традиционные культурные нормы и ценности первоначально отбрасываются, поскольку вступают в противоречие со стремлением к самовыражению и только потом, после эйфории свободы человек начинает задумываться о необходимости подчинения своей жизни неким образцам.

Таким образом, в современном обществе традиции и ценности оказываются жизнеспособны лишь в той мере, в какой они в состоянии оправдать свою значимость и авторитет в диалоге и борьбе с другими ценностями. То есть следование традициям и их принятие возможно в настоящее время только лишь на рациональных основаниях. Даже своего рода протесты против релятивизации общественной жизни и возврат к прежним ценностям проходят в русле рефлексивности.

Постмодерн как историческое время, сменяющее модерн, определяется трансформацией человеческой природы и изменением места человека в социальной структуре. Как и теоретики постиндустриализма, постмодернисты обращаются, прежде всего, не к глубинным характеристикам этой эпохи, а к тем ее чертам, которые поддаются наиболее явному противопоставлению важнейшим признакам предыдущих периодов. С подобных позиций анализируются явления демассификации и дестандартизации, отход от прежних форм индустриального производства, достижение качественно нового уровня субъективизации социальных процессов, возрастающая плюралистичность общества и уход от массового социального действия.

Особого внимания заслуживают выводы теоретиков постмодернизма о снижении возможности прогнозировать развитие как отдельных личностей, так и социума в целом, о неопределенности направлений общественного прогресса, о противоречиях, возникающих в результате взаимодействия социума и нового типа субъекта. Вместе с тем постмодернисты считают, что в эпоху постмодерна преодолевается феномен отчуждения, трансформируются мотивы и стимулы деятельности человека, возникают новые ценностные ориентиры и нормы поведения. Таким образом, преодоление

ранее сложившихся форм общественного устройства воспринимается ими как само содержание современного этапа социального прогресса. Конституируя резкое увеличение роли индивида как субъекта социальной структуры, постмодернисты переносят акцент с понятия «мы», определяющего черты индустриального общества (при всем присущем ему индивидуализме), на понятие «я».

Свойственная для культуры постмодерна деконструкция ценностей способствует формированию номадического пространства, лишённого аксиологического центра, в связи с чем индивиду предоставляется неограниченный набор равнозначных возможностей для организации своего жизненного опыта. В этой ситуации жизненное пространство человека утрачивает свою определенность, социальная реальность перестает быть жестко структурированной, а, следовательно, рушатся привычные основания для социальной самокатегоризации.

Здесь интересным является обращение к творчеству писателей-постмодернистов, осмысливающих мировосприятие человека в культуре постмодерна посредством образов библиотеки (У. Эко), лабиринта, дворца, сада, где ветвятся дорожки (Х. Л. Борхес), мира как гипертекста (М. Павич) и многих других.

Все попытки человека внести некую упорядоченность в бытие, по мнению Борхеса, оборачиваются еще большим осознанием неукорененности своего существования и отсутствия какого-либо определяющего начала мира. Так в рассказе «Everything and nothing», Борхес с первых строк заявляет о своем герое: «он был никто». Этот никто нашел свое счастье в труде лицедея и всю свою жизнь играл многочисленные роли, проживая чужую жизнь, оставляя свою неопределенной. Представ перед богом, он пожелал, наконец, «перестать быть многими» и «стать одним, быть собой». На что бог ему ответил: «Я — тоже не Я. Этот мир Я измыслил так же, как ты измышлял свои драмы, Мой Шекспир, и ты — один из образов моей фантазии, ты, кто, подобно Мне, — все и никто»⁵.

Здесь у Борхеса нашла выражение установка постмодерна на понимание мира в качестве хаоса, мира, как лишённого стержня. По сути, в этом рассказе можно увидеть отсылку автора к ницшеанскому постулату о смерти Бога, постулату, который в постмодерне реализовался в полной мере и на всех уровнях. Поскольку, если нет основополагающего принципа, который позволял бы удерживать мир от погружения в пространство тотальной симуляции, то о какой подлинности человека можно говорить.

Правда, в другом своем произведении «Тлен, Укбар, Orbis tertius» Борхес предлагает свой взгляд на причину возникновения гиперреальности как таковой. По мысли автора, человеку присуща потребность создавать миры, в

⁵ Борхес Х. Л. Everything and nothing / Х. Л. Борхес // Дворец. — Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. — С. 96.

которых он будет хотя бы иллюзорно властвовать. Описывая в этом рассказе неведомую планету «Тлен», Борхес обращает внимание, что она воспринимается ее жителями не как пространственная последовательность, но как временная, где жизнь структурируется не предметами, а отдельными поступками.

Подобная неструктурированность и несвязанность ментальных процессов с предметностью мира реального позволяет людям посредством симуляции создавать свою модель мира, испытывая при этом надежду на понятность и подвластность самим себе такого рода бытия. «Как же не поддаться обаянию Тлена, подробной и очевидной картине упорядоченной планеты? Бесполезно возражать, что ведь реальность тоже упорядочена. Да, возможно, но упорядочена-то она согласно законам божественным ..., которые нам никогда не постигнуть. Тлен — даже если это лабиринт, зато лабиринт, придуманный людьми, лабиринт, созданный для того, чтобы в нем разбирались люди. ... Очарованное стройностью, человечество все больше забывает, что это стройность замысла шахматистов, а не ангелов...уже в памяти людей фиктивное прошлое вытесняет другое, о котором мы ничего с уверенностью не знаем — даже того, что оно лживо»⁶.

Подобно многим творениям Борхеса, это выражает понимание автором мира как гипертекста, где реальность разбита на разные уровни и цитаты, с присущими им принципами и смыслами, со своим специфически выстроенным способом существования. Но попытка связать эти уровни в одно упорядоченное целое терпит крах, так как человек осознает внутреннюю смысловую несоотнесённость этих цитат друг с другом, их противоречие, которое свидетельствует о всеобщей симуляции.

Ввиду свойственного постмодернизму пониманию мира как текста, необходимо обратиться к проблеме интерпретации. Означаемое, связанное в классической философии с Логосом, в постмодернизме утрачивает свою прежнюю роль, во многом благодаря методу деконструкции (сформулированному Ж. Деррида), который уничтожает авторитарность мысли и ее зависимость от абсолютного источника путем разрушения иерархии смыслов и уравнивания элементов бинарных конструкций.

Постмодерн становится эпохой творения и интерпретации знаков. Вследствие того, что означающее теряет зависимость от означаемого, интерпретация высвобождает смысл, придает ему характер скольжения и случайности. Таким образом, поиск глубинного смысла сменяется рассеиванием (Деррида)⁷, бесконечным потоком интерпретации, возможным в силу того, что человек перестает искать в тексте смысл, но сам вкладывает его, производит.

Отношение между означаемым и означающим снимается в процессе

⁶ Борхес Х. Л. Тлен, Укбар, Orbis tertius / Х. Л. Борхес // Коллекция (Сборник рассказов). — URL: <http://lib.ru/BORHES/kniga.txt> (дата обращения: 04.05.16).

⁷ Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 430 с.